

The background of the book cover is a black and white photograph of the Spasskaya Tower in Moscow. The tower is a tall, cylindrical stone structure with a lantern on top and several smaller, ornate structures along its side. In the background, a large, multi-story building with many windows is visible. A red flag is flying on a pole to the right of the tower. The sky is a light, textured grey. There are some red and yellow splatters or stains on the top left and middle of the cover.

Анджей
Иконников-Галицкий

СОЖЖЁННЫЕ РЕВОЛЮЦИЕЙ

ЛИМБУС ПРЕСС

Анджей Иконников-Галицкий
Сожженные революцией

«Издательство К.Тублина»

2019

УДК 82-94
ББК 84 (2Рос-Рус)6

Иконников-Галицкий А. А.

Сожженные революцией / А. А. Иконников-Галицкий —
«Издательство К.Тублина», 2019

ISBN 978-5-8370-0739-2

Книга «Сожжённые революцией» рассказывает о парадоксальной разрушительно-созидательной сущности русской революции, отразившейся в судьбах исторических персонажей. Она составлена из сравнительных жизнеописаний героев революционной эпохи – общественных деятелей, политиков, революционеров, террористов, деятелей культуры, религиозных деятелей – для которых революция стала исходной точкой и (или) трагическим венцом биографии. Революция соединила их судьбы в неразрывном единстве, в контрастах творчества и убийства, разрушения и созидания. Следуя за ними, читатель проходит через круги революционного ада к свету грядущего.

УДК 82-94
ББК 84 (2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-8370-0739-2

© Иконников-Галицкий А. А., 2019
© Издательство К.Тублина, 2019

Содержание

Вступление. Новый, 1917 год	6
Катехизис революционера	12
Круг первый	14
I	15
II	17
III	20
IV	22
V	25
VI	27
VII	29
Перед кругом вторым	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Анджей Иконников-Галицкий

Сожжённые революцией. Очерки

*Посвящается моей бабушке, моему деду, моей крёстной, их родным
и двоюродным братьям и сёстрам и всем, пережившим великую русскую
смуту*

© А. Иконников-Галицкий, 2019

© ООО «Издательство К. Тублина», 2019

Вступление. Новый, 1917 год

1917 год в России начинался на удивление спокойно. Погода над Русской равниной стояла ровная, умеренно-морозная. В декабре утихли бои на всех направлениях. Справили Рождество. Отслужили молебны на новолетие. Над фронтом и над тылом повисла странная, давно забытая тишина.

За две недели до нового года Николай II выехал из Могилёва, где располагалась Ставка Верховного главнокомандующего, в Царское Село. С 1904 года император с семейством постоянно жил в Александровском дворце Царского Села или на Приморской даче в Петергофе; Петербург посещал по необходимости, главным образом по случаю официальных церемоний.

Из дневника Николая II. Перед новым годом:

«18-го декабря. Воскресенье. Утром было 14° мороза. После обедни пошёл к докладу Лукомского, нового ген[ерал]-квартирмейстера, а затем на заседание главнокоманд[ующих]. После завтрака оно продолжалось ещё полтора часа. В 3 1/2 поехали вдвоём в поезд. Через час уехали на север. День был солнечный при 17° мороза. В вагоне всё время читал.

19-го декабря. Понедельник. Хорошо выспался. Мороз стоял крепкий. Всё время в вагоне читал. Прибыли в Царское село в 5 ч. Дорогая Аликс с дочерьми встретила и вместе поехали домой. После обеда принял Протопопова»¹.

Комментарий о будущем

Александр Сергеевич Лукомский – генерал-лейтенант. Благополучно переживёт Февральскую революцию. 1 сентября 1917 года будет арестован как участник Корниловского выступления, после Октября бежит в Новочеркасск, станет одним из руководителей Белого движения. Умрёт в Париже в 1939 году.

Александр Дмитриевич Протопопов – министр внутренних дел, назначенный на этот пост в сентябре 1916 года; до этого депутат Государственной думы, член умеренно-либерального «Союза 17 октября». После Февральской революции будет арестован, заключён в Петропавловскую крепость, где его увидит герой этой книги Александр Блок. 27 октября 1918 года будет расстрелян в Москве «в порядке административного усмотрения».

Продолжение дневника:

«21-го декабря. Среда. В 9 час. поехали всей семьёй мимо здания фотографий и направо к полю, где присутствовали при грустной картине: гроб с телом незабвенного Григория, убитого в ночь на 17-е дек[абря] извергами в доме Ф. Юсупова, кот[орый] стоял уже опущенным в могилу. О[тец] Ал[ександр] Васильев отслужил литию, после чего мы вернулись домой. Погода была серая при 12° мороза».

---

¹ Дневник Николая II здесь и далее цит. по: Дневники императора Николая II / сост., коммент. и примеч. В. П. Козлова, Т. Ф. Павловой, З. И. Перегудовой; общ. ред. и предисл. К. Ф. Шацкило. М., 1991. С. 614–618.

Комментарий о будущем

Григорий – это Распутин. Через семьдесят девять дней тело Распутина по решению Временного правительства будет вытаскано из могилы, вывезено на окраину Петрограда и сожжено, а пепел, по-видимому, закопан на месте сожжения. Во время блокады возле этого места в огромных траншеях будут зарывать сотни тысяч погибших – образуется знаменитое Пискарьёвское кладбище.

«Изверги» – великий князь Дмитрий Павлович, князь Феликс Юсупов, депутат-монархист Владимир Пуришкевич, гвардии поручик Сергей Сухотин и доктор Станислав Лазоверт (возможно, кто-то ещё, чьи личности остались неустановленными в ходе следствия). Все они спасутся от революции за границей, кроме Пуришкевича, которому суждено умереть от тифа в Новороссийске в феврале 1920 года, в тылу гибнущего белого воинства.

Протоиерей Александр Васильев – настоятель собора Феодоровской иконы Божией Матери в Царском Селе. Будет расстрелян в день опубликования Декрета о красном терроре, 5 сентября 1918 года; его гибель определит судьбу последнего из тринадцати героев этой книги – священномученика Владимира Лозина-Лозинского.

Продолжение дневника:

«24-го декабря. Сочельник. В 11 ч. поехал с дочерьми к концу обедни и к вечерне. <...> Погулял. Было 10° мороза и тихо. <...> До чая была наверху ёлка детям и наша одновременно. В 6 1/2 поехали ко всенощной. <...>

25-го декабря. Рождество Христово. Хороший солнечный день, 8° мороза. В 10 1/2 поехали к обедне. В 2 часа была первая ёлка конвоя. Свод[ному] и Жел[езнодорожному] полкам. Играли балалаечники, и недурно пел хор песенников. Вернулись домой в 3 1/4. Погулял с Ольгой. До 5 ч. принимал Протопопова. <...>

31-го декабря. Суббота. Принял доклады: Шуваева, Кульчицкого и Фредерикса. <...> Погулял с детьми. В 4 часа принял ген[ерала] Беляева и затем кн[язя] Голицына. В 6 ч. поехали ко всенощной. Вечером занимался. Без 10 м. полночь пошли к молебну. Горячо помолились, чтобы Господь умилился над Россией!»

Комментарий о будущем

Дмитрий Савельевич Шуваев – генерал от инфантерии, военный министр. Через три дня, 3 января 1917 года, государь отправит его в отставку. Во время Февральской революции он будет арестован, но почти сразу освобождён; после Октябрьской революции снова арестован и снова освобождён; с 1918 года – в Красной армии, на высоких должностях вплоть до начальника штаба Петроградского военного округа. В 1937 году будет арестован НКВД и расстрелян в возрасте восьмидесяти трех лет.

Николай Константинович Кульчицкий – профессор, гистолог с мировым именем; четырьмя днями раньше был назначен министром народного просвещения. После Октябрьской революции будет арестован, освобождён, бежит в Крым, потом за границу; погибнет в результате несчастного случая в 1925 году в Англии.

Владимир Борисович Фредерикс – министр двора его императорского величества. 2 марта 1917 года в Пскове он скрепит своею подписью акт об отречении Николая II. Будет арестован 9 марта 1917 года рабочим советом в Гомеле и доставлен в Петроград, где его поместят в психиатрическую больницу, а затем освободят «по старости и слабоумию». Всю Граж-

данскую войну проживёт в Петрограде. В 1924 году ему разрешат выехать в Финляндию, где он и умрёт в 1927 году в возрасте восьмидесяти восьми лет.

Михаил Алексеевич Беляев – генерал от инфантерии, дальний родственник Александра Блока (на двоюродной сестре генерала Марии Тимофеевне был вторым браком женат отец поэта). Через три дня он будет назначен военным министром вместо Шуваева. 1 марта 1917 года будет арестован, вскоре освобождён, вновь арестован, вновь освобождён. Осенью 1918 года будет арестован как заложник и расстрелян.

Князь Николай Дмитриевич Голицын – только что назначенный председатель Совета министров. 28 февраля 1917 года, в первый день революции, он будет арестован, через две недели освобождён. После Октября останется в Совдепии, в Москве, потом в Рыбинске; по некоторым сведениям, будет зарабатывать на жизнь сапожным ремеслом и охраной общественных огородов. Трижды подвергнется аресту. После третьего ареста по постановлению коллегии ВЧК-ОГПУ будет расстрелян 2 июля 1925 года в Ленинграде в возрасте семидесяти пяти лет.

Из газет. 1 января

В новогоднюю ночь в церквах имперской столицы совершалось торжественное молебствие. Петроградский митрополит Питирим служил в Александро-Невской лавре; в Исаакиевском соборе – викарный архиерей Петроградской епархии Вениамин, епископ Гдовский; в Казанском – второй викарий Геннадий, епископ Нарвский. Утром, в праздник Обрезания Господня и в день памяти святого Василия Великого, после литургии – снова молебны.

Комментарий о будущем

Питирим (Окнов) – митрополит Петроградский и Ладужский, 28 февраля 1917 года будет арестован, но сразу же освобождён; 6 марта того же года определением Святейшего синода уволен на покой по прошению (в возрасте пятидесяти восьми лет) с определением местожительства в пределах Владикавказской епархии. Умрёт 21 февраля 1920 года в Екатерининском монастыре во время отступления деникинских войск, перед приходом красных.

Вениамин (Казанский) в мае 1917 года свободным голосованием клира и мирян будет избран на Петроградскую кафедру. Будет возглавлять епархию в годы военного коммунизма и первых гонений на Церковь. Сыграет решающую роль в жизни ещё одного нашего героя – Александра Введенского. В июне 1921 года будет арестован, через месяц осуждён по обвинению в воспрепятствовании изъятию церковных ценностей; 13 августа того же года его расстреляют вместе с другими осуждёнными.

Геннадий (Туберозов), епископ Нарвский, затем архиепископ Псковский и Порховский, будет арестован в августе 1922 года по обвинению в контрреволюционной агитации и сокрытии церковных ценностей. По многочисленным ходатайствам верующих его отпустят на свободу. Умрёт он вскоре после этого, в 1923 году.

Из газет, продолжение

В первый день нового года в четвёртом часу дня в Царском Селе государь изволил принимать поздравления от своих подданных и представителей дипломатического корпуса. Первыми принёс поздравления председатель Совета министров князь Голицын, вслед за ним министры и главноуправляющие, затем председатель Государственного совета Щегловитов, председатель Государственной думы Родзянко, государственный секретарь, помощник министра импера-

торского двора, высшие чины двора, чины свиты. Далее его императорскому величеству имели честь быть представленными дипломаты. Все эти церемонии продолжались более двух часов.

Комментарий о будущем

Михаил Владимирович Родзянко (между прочим, сын и внук жандармских генералов) всего через два месяца, 27 февраля 1917 года, станет номинальным лидером революции, возглавив Временный комитет Государственной думы. Выступит одним из инициаторов отречения Николая II. После Октября присоединится к Белому движению, но популярностью среди его участников пользоваться не будет. В 1920 году эмигрирует в Югославию, где и умрёт в 1924 году.

Иван Григорьевич Щегловитов будет во время Февральской революции арестован, год просидит в заключении в Петропавловской крепости; затем будет перевезён в Москву. Его расстреляют как заложника сразу же по объявлении Декрета о красном терроре, 5 сентября 1918 года, в один день с отцом Александром Васильевым.

Из дневника Николая II. Первый день 1917 года:

«Воскресенье. День простоял серенький, тихий и тёплый. В 10 1/2 ч. поехал с дочерьми к обедне. После завтрака сделал прогулку вокруг парка. Алексей встал и тоже был на воздухе. Около 3 ч. приехал Миша с кот[орым] отправился в Большой дворец на приём министров, свиты, начальников частей и дипломатов. Всё это кончилось в 5.10. Был в пластунской черкеске. После чая занимался и отвечал на телеграммы. Вечером читал вслух».

Комментарий о будущем

Алексей – наследник престола. Сейчас ему тринадцать лет. Болен неизлечимой болезнью – гемофилией. Будет расстрелян вместе с отцом, матерью, четырьмя сёстрами, лейб-медиком, камердинером, поваром, горничной и двумя домашними собаками в подвале дома Ипатьева в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918 года.

Миша – великий князь Михаил Александрович, младший брат императора. Актом об отречении Николай II передаст ему престол, однако под давлением думских политиков он уклонится от принятия власти. Будет арестован Временным правительством в сентябре 1917 года по подозрению (совершенно безосновательному) в связях с Корниловским движением. Затем его освободят, но через полгода, уже при Советах, снова арестуют, отправят в Пермь, где в ночь с 12 на 13 июня 1918 года он будет тайно убит местными большевиками.

Ещё из газет. 1 января 1917 года

В официальной части: сообщение от штаба Верховного главнокомандующего.

Западный фронт. В рижском районе южнее озера Ба-бит немцы густыми цепями атаковали наши части, расположенные восточнее деревни Калицем. Атака была отбита. Воздушная эскадра противника из тринадцати аэропланов сбросила на станцию и местечко Родзивилов около сорока бомб. Наши аэропланы, произведя разведку в тылу противника, несмотря на сильный артиллерийский обстрел по ним, снизились и обстреляли пулемётным огнём батарею противника у деревни Крухов (в двадцати верстах восточнее Злочева).

В части неофициальной.

В Петрограде Александринский театр даёт пьесу графа Льва Толстого «Плоды просвещения», Мариинский – балет Чайковского «Спящая красавица», Театр Аксарина – оперы «Тра-

виата», «Добрыня Никитич», «Севильский цирюльник», «Фауст с Вальпургиевой ночью», а вечером 2 января там же будет представлена патриотическая опера «Жизнь за царя» с участием Фёдора Шаляпина.

Рядом – объявления: курсистка с золотой медалью, умеющая печатать на машинке, ищет вечернюю работу; студент-репетитор готовит учеников; продаются за умеренную цену дамские корсеты всех размеров; а кому надо – свечи от геморроя; ювелир Б. Марков покупает по высокой цене на любую сумму бриллианты, жемчуг, драгоценные камни, антикварные вещи.

В Москве открыта выставка скульптора, действительного члена Императорской академии художеств Сергея Конёнкова. В Театре Незлобина дают пьесу Михаила Арцыбашева «Враги», а в Мамонтовском театре – «Барышню Маню и Сеньку-разбойника». В кинотеатре «Арс» идёт «Страстная песнь любви и печали». Присяжный поверенный Зайцев предлагает услуги по бракоразводным делам. Доктор В. Понятовский объявляет, что пользует по внутренним и женским болезням. Седые волосы красят скоро и прочно во все цвета; продаются офицерские сёдла, стальные канаты, настенные часы и паровые молотилки.

В хронике происшествий: сообщение об ограблении банка в Харькове на два с половиной миллиона рублей. По горячим следам задержан рецидивист Шиманский.

Из сообщений тревожных

В Кременчуге продолжается хлебный голод, в Житомире – недостаток муки, в Сумах – острый мучной голод, в Одессе нет сахара. С 1 января на пятнадцать процентов повышаются железнодорожные тарифы.

В газете «Речь», органе либеральной партии конституционалистов-демократов, думский депутат Андрей Шингарёв (это один из героев нашей книги) огорчает новогоднего читателя: государственный долг увеличился больше чем на 26 миллиардов, количество бумажных денег достигло девяти миллиардов вместо нормальных полутора-двух. Что готовит нашей хозяйственной жизни 1917 год? Если не изменится порядок в России, если будет и дальше игнорироваться общественное мнение – ничего хорошего.

Ему вторит депутат от той же партии Фёдор Родичев: 1917 год – год решающего поворота в судьбах страны.

Враги Шингарёва и Родичева, монархисты из Союза русского народа, согласны с этим. В газете «Русское знамя» они подтверждают: в истории России вполне определённо наметился резкий поворот. И делают несколько фаталистический вывод: остаётся лишь молить Всевидящее Око о поддержании в русском народе его неистощимой выносливости в борьбе за свободу и счастье России².

* * *

Был день, когда пришли сыны Божии предстать пред Господа; между ними пришёл и сатана предстать пред Господа. И сказал Господь сатане: откуда ты пришёл? И отвечал сатана Господу и сказал: я ходил по земле и обошёл её³.

И сказал Господь сатане:

– Видел ли ты Россию? Нет другой страны на земле, где так слышат слово Моё и где так горят сердца об Имени Моём, а ты сотворил ей много зла и много раз побуждал Меня против неё, чтобы погубить её безвинно.

---

² Материалы из газет даны по изданию: *Спирин Л. М.* Россия, 1917 год: Из истории борьбы политических партий. М., 1987. URL: http://scepsis.net/library/id_3070.html.

³ Книга Иова 2:1, 2.

И отвечал сатана Господу, и сказал:

– Ты слишком хорошо думаешь о людях. Они – предатели от природы, и те, которые в России сейчас (у них праздник) так пламенно молятся Тебе, – не исключение. Им не нужно Твоё совершенство, Твоя вечность, Твоё царство. За мечту о земном счастье отдадут люди всё, что есть у них. Покажи им хоть тень, хоть призрак, хоть кратковременный образ этого счастья – благословят ли они Тебя? Нет, девять из десяти сразу отрекутся от Тебя и забудут Тебя, а те, которые останутся Тебе верны, будут мучимы люто, пока не отрекутся тоже. Дай мне искушить их – и увидишь.

И сказал Господь сатане:

– Вот, страна эта в руке твоей. Даю тебе всю власть над ней и над всем, кто в ней – до времени.

И отошёл сатана от лица Господня...

Катехизис революционера

Как быть с тем ужасом, который —
стук времени? И вот народоволец
на кухне варит динамитный студень.
Лишь утро заиграло на камнях —
сон побоку. На Малой он Садовой
ждёт императора с латунной челобитной.
Вот едут. Сердце бух, как колесо...

Блаженство... Боль. И время – умирает.

Но заспиртованную голову
два месяца хранят для опознания,
потом возьмут для книг. Потом потомок,
как бюст, на постамент её поставит.

Убито. Взорвано. А всё-таки стучит.

«Что делать?» И «Пойдём другим путём».
Составим тайный клан таких же, с бомбой.
Уйдём в подвалы, в норы. Там при лампе
прочтём разгадку — кто завёл хронометр.
И выждем миг. Когда с высот комета,
кругом война, мор, голод, страх в народах —
вдруг явимся. И вдруг укажем цель.
Возьмём бразды. Дадут нам государство.
Тогда начнём. Сперва во рвы врагов.
Потом друзей в застенках хлоп в затылок.
Потом и прочий люд в лесоповал.
Отцов сгноим в Крестах. Споим детей.
И круг замкнув, без риска выжить Землю
гремучим студнем напоим, как бомбу, —
и бросим в Бога.

Времени не будет.

Примечания

Гремучий студень – один из видов динамита, основной компонент взрывных устройств, применявшихся революционерами-террористами.

На Малой Садовой улице в Петербурге, на пути регулярных царских выездов, народовольцы подготовили к 1 марта 1881 года ловушку для Александра II: вырыли подкоп, в который заложили два пуда (более тридцати килограммов) динамита, а также разместили по углам улицы четырёх боевиков, вооружённых «адскими машинами». Правда, подкоп не понадо-

бился: император внезапно изменил маршрут. Подкараулить его удалось на обратном пути, на набережной Екатерининского канала.

Боевик, бросивший в императора смертельную бомбу, сам был изранен взрывом и умер в тот же день, не назвав своего имени. Для установления личности его голову отделили от туловища, законсервировали в банке со спиртоформалиновой смесью и показывали для опознания.

«Что делать?» – одна из программных работ Ленина (1901 год) о путях и методах подпольной революционной борьбы. «Мы пойдём другим путём» – фраза, которую юноша Ульянов, будущий Ленин, якобы произнёс, узнав о казни старшего брата – террориста в 1887 году.

Кресты – знаменитая питерская тюрьма.

Круг первый Герман Лопатин Сотворение революционера

*Однажды странствуя среди долины дикой,
Незапно был объят я скорбью великой
И тяжким бременем подавлен и согбен,
Как тот, кто на суде в убийстве уличен.*

А. С. Пушкин

Революция – совокупность разрушительных действий множества людей. Революция – всегда вдохновенна. Одушевлённые великой мечтой, озарённые сиянием грядущего счастья, люди соединяются в массы и идут, увлекая одних, топча других, сметая все препятствия... куда? Никуда. Туда же, откуда пришли: в погибель. На месте великого и страшного движения остаются кровавые тряпки, битое стекло, развороченные мостовые. Потом сквозь это прорастает трава. Потом следы разрушений притаптываются и новые подмётки с дореволюционной деловитостью шаркают по той же земле.

В промежутке между началом и концом – судьбы людей.

Вот те, кто идёт в первых рядах революционного потока. Они раньше всех приняли в себя одушевляющий огонь дьявольской мечты о скором и всеобщем счастье. Они много потрудились, чтобы передать другим сжигающее их пламя. Тут есть разные лица: прекрасные и невзрачные, благородные и простецкие, мужские и женские, молодые и постарше. Но в глазах одно общее выражение: жертвенность. Неустрашимые борцы за то, что считают правдой, они скоро станут жертвами общечеловеческой лжи. «За лучший мир, за святую свободу...»

Откуда они? Кто они?

Посмотрим.

I Несостоявшаяся встреча

Начнём издалека...

Прекрасное тёплое раннее лето. Время года, когда всюду хорошо, особенно во Франции. Oh, la douce France!⁴ Веет беззаботностью. Длинноволосые ивы любят свои отражения в ровной воде Сены. Окрестности Парижа веселят глаз молодой зеленью. Кругом цветы. Концертируют птицы.

В первых числах июня 1883 года в ворота виллы Ле Френ – «Ясени» – в Буживале постучал гость из числа примечательных. Лет тридцати семи, высок, крепок, русобород, светлоглаз. Вполне похож на героя-любownika из бульварного романа. Только твёрдый абрис лица да общая решимость, залёгшая в резких морщинах вокруг глаз, настоящие, не романские. Вилла Ле Френ видела много людей необыкновенных. Этот – хотя и выглядит смиренно, и одет неброско, как небогатый буржуа, но явно отмечен какой-то особой печатью силы и судьбы.

На вопрос прислуги гость ответил, что желает видеть господина Тургенева. Ответил с акцентом настолько характерным, что прислуга определила сразу: *encore un russe*⁵.

– Месье Тургенёф болен...

– Знаю, – перебил посетитель. – Доложите обо мне мадам.

Служанка, как видно, была новая, иначе она узнала бы этого человека, отрекомендовавшегося тоже как-то странно: «Месье Барт, но назовите меня Лопатин, Герман Ло-па-тин»... Последние слова с особенным, чуждым французскому уху барабанным ударением. Господин Барт в прежние времена бывал неоднократно (хотя и не слишком часто) на вилле Ле Френ в тургеневском «шале» – домике, приютившемся на краю имения семейства Виардо.

Мадам Виардо немедленно приняла посетителя.

– Рада вас видеть, дорогой Жермен, – мадам назвала его по-домашнему, по имени. – Но месье Тургенев очень плохо себя чувствует. Не хотела бы вас огорчать, но, боюсь, с ним невозможно будет повидаться.

Всё это было сказано ровным, спокойным тоном. И потом гораздо тише:

– Ему уже кололи морфий...

Что это? В больших выразительных, но всегда бесстрастных глазах Полины Виардо таились слёзы, и, кажется, давнишние...

– Мадам, я должен повидать господина Тургенева. Это его пожелание. Прочтите.

Гость протянул Полине исписанный дрожащим карандашом листок.

Из последнего письма Ивана Сергеевича Тургенева Петру Лавровицу Лаврову от 1 (13) июня 1883 года:

«Так как мне в последнее время словно полегчило и я стал способен если не говорить, то хоть слушать – то не будете ли Вы так добры, не попросите ли Лопатина зайти ко мне когда ему вздумается (если хотите, конечно, и Вы с ним) – и я бы очень ему порадовался»⁶.

Из письма Германа Лопатина Семёну Афанасьевичу Венгерову, 17 (30) июня 1906 года:

---

⁴ О, милая Франция! (*франц.*).

⁵ Снова русский (*франц.*).

⁶ Цит. по: Итенберг Б. Иван Тургенев и Петр Лавров // «Вопросы литературы». 2006. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2006/6/ite10.html>.

«...Я застал его [Тургенева] в ужасном уже состоянии. <...> Он не сказал мне даже того, для чего нарочно призывал меня к своему смертному одру, так что я даже не узнал и не догадался, о чём он желал поговорить со мною, но отложил до безболезненного момента и более свежей головы»⁷.

Из бесед с Германом Лопатиным:

«Тургенев, – вспоминал Лопатин, – корчился от боли. <...> Ему только что впрыснули морфий, и он должен был заснуть. Увидев меня, Тургенев обрадовался.

– Я не могу говорить сейчас, – сказал он, – но мне необходимо увидеть Вас ещё раз и переговорить с Вами.

Я хотел что-то сказать, но Иван Сергеевич остановил меня.

– Молчите, молчите, – сказал он, – дайте мне договорить, а то я сейчас засну. Вы приедете ещё раз ко мне непременно»⁸.

Но эта встреча Лопатина с Тургеневым оказалась последней. Через три месяца Тургенев умер. Что хотел он сказать Лопатину и почему именно ему порадовался бы в своих предсмертных мучениях и тоске – осталось тайной навечно.

Итак, кто же этот Герман Лопатин, беседа с которым могла скрасить последние, поистине ужасные дни жизни властителя дум старосветской русской интеллигенции?

Перечень фактов биографии этого человека производил впечатление на вольнодумных художников и писателей, вчерашних студентов и курсисток и даже на прошедших тюрьму и ссылку беглых деятелей революционного подполья – словом, на всю ту публику, которая составляла разбросанный по Европе мир русской эмиграции. Пять арестов, пять побегов (два неудачных, три успешных). Нелегальный вывоз из России – а проще сказать, похищение из-под носа у жандармов – ссыльного Петра Лаврова и попытка вызволения Чернышевского, хотя и неудачная.

Но не только эти деяния привлекали к Лопатину восхищённо-уважительное внимание русских эмигрантов и их единомышленников в России. Главный магнит заключался в свойствах его личности, его характера. В нём не было ни амбициозности, ни доктринёрства, ни взвинченного фанатизма, столь часто встречающихся в среде политических изгнанников. Он ни над кем не стремился властвовать, не призывал других, а делал сам. Он не терпел лжи во спасение, с которой привыкли мириться русские интеллигенты; он был правдив. Он производил впечатление человека последовательного, вдумчивого, решительного, не разьедаемого сомнениями (если сомнения и были, то он умел скрывать их). Словом, он был силён и целен. И этим придавал всему русскому оппозиционному общественному движению некую весомость, нравственную солидность. Ему невольно хотелось доверять – и верить, что будущее за такими, как он.

---

⁷ Г. А. Лопатин. Письмо к С. А. Венгерову // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома, 1975. М., 1977. Публикация Л. Н. Ивановой. URL: http://ruslit.com.ua/russian_classic/lopatin_ga/pismo_k_s_a_vengerovu.8923/?page=1.

⁸ Беседа с Лопатиным // И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников. М.; Л., 1930. С. 122.

II Счастливец

Герман Александрович Лопатин по обстоятельствам своего рождения и детства мог бы почитаться счастливецом. Начать с того, что он был первым в старинном приказно-священническом роде Лопатиных, кому привелось родиться во дворянстве. Его отец, Александр Никонович Лопатин, сын титулярного советника («обер-офицера», как он сам писал в официальных бумагах), окончил в 1834 году Казанский университет, за десять последующих лет дослужился до коллежского асессора и вместе с этим чином получил права потомственного дворянства⁹. Всего через несколько месяцев после этого события, 13 (25) января 1845 года, супруга Александра Никоновича, Софья Ивановна, разрешилась от бремени. Первый мальчик, родившийся в семье Лопатиных (двухлетняя дочка Оленька уже топала ножками по комнатам асессорской квартиры), был наречён Германом. Имя мужественное, вполне соответствовавшее облику и характеру младенца. С первых дней жизни он отличался крепостью, силой, здоровьем. С возрастом к этому добавились очевидная красота внешности и твёрдость мальчишеского характера.

Как можно не гордиться таким сыном? Родители, безусловно, гордились. Да и вообще их семейная жизнь складывалась на редкость благополучно. Александр Никонович ко времени получения дворянства и рождения старшего сына занимал престижную должность инспектора Нижегородского Александровского дворянского института. Через пять лет был переведён в Ставрополь, где продолжал продвигаться в чинах. В 1860-х годах он – статский, затем действительный статский советник, управляющий губернской Казённой палатой: чин и должность генеральские. Дети растут – как на подбор. Сыновья – Герман, Всеволод, Николай, Сергей – красавцы, богатыри. Дочери – Ольга, Вера, Надежда, Любовь – красавицы и умницы. Особое внимание – Герману. Удивительная цельность его характера всё заметнее дополняется академическими талантами. Летом 1861 года он оканчивает Ставропольскую гимназию – и не просто, а триумфально: получает золотую медаль. Что ж, надо спешить к новым успехам – ехать в Петербург.

В 1862 году Герман Александрович Лопатин, дворянин, исповедания православного, зачислен студентом по физико-математическому факультету Императорского Санкт-Петербургского университета. Четыре года обучения – вполне успешны и как будто бы ничем не примечательны. Но тут-то в жизни Германа Лопатина и созревает решительный перелом.

Годы его обучения в университете – 1862–1866 – время в истории России особенное. Годы долгожданных реформ и великих перемен. Годы, породившие новый тип людей, новое понятие – «шестидесятники». Годы романтических порывов и мучительных раздвоений российского общественного сознания. У начала этого краткого, но судьбоносного периода – освобождение крепостных крестьян: манифест, подписанный императором Александром Николаевичем 19 февраля 1861 года и оглашённый во всех православных храмах Российской империи 5 марта, в день Прощёного воскресенья. «Осени себя крестным знаменiem, православный народ, и призови с нами Божие благословение на твой свободный труд, залог твоего домашнего благополучия и блага общественного»¹⁰. Засим – время надежд и разочарований, поисков этого

---

⁹ Нередко встречается ошибочное указание на дворянское происхождение А. Н. Лопатина. Формула «сын обер-офицера», которой он пользовался в официальных документах, указывает на то, что его отец, Никон Никонович Лопатин, имел права личного, но не потомственного дворянства. В соответствии с тогдашним законодательством Александр Никонович, как сын личного дворянина, мог стать потомственным дворянином по достижении чина VIII класса статской службы, т. е. коллежского асессора (об этом см.: Род Лопатиных – из крестьян и попов Вятской губ. // Семейный архив. URL: http://www.domarchive.ru/archive/fonds/1_rod/1037).

¹⁰ Манифест 19 февраля 1861 года. Цит. по: Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 7. Документы крестьянской

самого общего блага и столкновений с тяжелой косностью сословно-государственной машины. У финальной черты – выстрел Дмитрия Каракозова, прогремевший пред воротами Летнего сада 4 апреля 1866 года, выстрел, направленный на царя-освободителя, но поразивший историческое будущее России. В ответ на слова императорского манифеста – иные речи: «Отчего любимый мною простой народ русский, которым держится вся Россия, так бедствует? Отчего ему не идёт впрок его безустанный тяжёлый труд, его пот и кровь, и весь-то свой век он работает задаром? Отчего рядом с нашим вечным тружеником – простым народом: крестьянами, фабричными и заводскими рабочими и другими ремесленниками, живут в роскошных домах-дворцах люди, ничего не делающие, тунеядцы, дворяне, чиновная орда и другие богатеи...» И вывод: «Царь есть самый главный из помещиков. <...> И вот я решил уничтожить царя-злодея и самому умереть за свой любезный народ»¹¹.

Листок с этими отчаянными словами был обнаружен при обыске в кармане пальто Дмитрия Каракозова. Студент Лопатин, весной 1866 года оканчивавший университетский курс, никакого отношения к покушению Каракозова не имел, да и знаком с ним не был. Тем не менее каракозовская пуля странным российским рикошетом попала в него. После покушения в жандармском ведомстве пошли перетряски. Куда смотрели, как же допустили? Главным начальником Третьего отделения вместо безынициативного князя Василия Долгорукого был назначен граф Пётр Шувалов, хитрый, циничный властолюбец. Новое начальство всеми силами старалось доказать своё рвение и свою незаменимость. Пошли аресты – десятки, сотни арестов. Кого хватать? Всех, кто знаком с Каракозовым, со знакомыми и знакомыми знакомых Каракозова. Ну и, конечно, тех, кто как-нибудь проявил свою общественную активность. Создавать видимость страшного, массового заговора. Потом, за отсутствием улик, отпустить, но далее держать под надзором. Чем больше поднадзорных, тем больше штат корпуса жандармов.

Лопатин был студентом, жил в том широком, но в то же время и тесном кругу столичного студенчества, в котором каждого можно было заподозрить в знакомстве с каждым. Лопатин уже участвовал в каких-то совместных студенческих акциях, не имевших, правда, политического характера. Конечно же, его надо было арестовать без улик, продержать без обвинений несколько недель в сыром и зловещем каземате Невской куртны Петропавловской крепости, потом выпустить, поставив на его настоящем и будущем клеймо неблагонадёжности.

Здесь мы с вами присутствуем при сотворении революционера. Творят его из обыкновенного человека не пропагандисты социализма, не враги России, не масоны, и не поляки, и не американцы – творят его власти этой страны. В первую очередь те, кому надлежит «охранять основы». Ведь для того, чтобы хорошо охранять, надо иметь, от кого охранять. Нужны враги, враги нужны повсюду. И жандармское ведомство под руководством графа Шувалова, а затем и его преемников стало творить этих врагов массовым порядком.

Пример Лопатина не единичен, более того, он типичен. Из взыскующей правды молодости на тропу революционной войны были таким же образом вытолкнуты Порфирий Войно-ральский, Пётр Баллод, Пётр Заичневский, Николай Чайковский, Вера Засулич и многие другие. Все они изначально виноваты были только в одном: имели собственные убеждения. Или хотя бы интересы. За это – арест без суда, высылка в административном порядке с волчьим билетом... Что делать дальше? Только одно: искать себе подобных и вести борьбу против этой власти уже вместе и всерьёз.

Точно так же создавались кумиры и вожди будущего революционного движения. В 1864 году после полутора лет предварительного заключения был осуждён Николай Гаврилович Чернышевский. За что? Никаких прокламаций, ему приписываемых, он не составлял и ни в каких

реформы / Отв. ред. О. И. Чистяков. М., 1989. С. 31.

¹¹ Прокламация «Друзьям-рабочим!». Цит. по: Зильберман Е. Г., Холявин В. К. Выстрел. Очерк жизни и революционной борьбы Дмитрия Каракозова. Казань, 1968. С. 9.

политических заговорах не участвовал. Улики против него были шиты белыми нитками. Но он писал и думал. Может быть, думал ошибочно, а писал плохо. И за это – приговор: четырнадцать лет каторги! Естественно, роман «Что делать?», написанный в одиночной камере Алексеевского равелина, мгновенно стал самым читаемым в России, а его автор, близорукий и косноязычный попович, сделался властителем дум нескольких поколений русской молодёжи.

III

Как перейти границу

После двух месяцев заключения Герман Лопатин был выпущен на свободу. Эти два месяца определили всю его дальнейшую жизнь. Из крепости он вышел атеистом и убеждённым борцом с существующим общественным и государственным строем. Окончив образование, он едет в Италию с мечтой о подвигах в рядах дружин Гарибальди. Об этой поездке сохранилось мало сведений. Разумеется, совершена она была нелегально, по поддельным документам или вовсе без документов. В ряды гарибальдийцев Лопатин не попал. Движение к тому времени уже угасало, завершалось трагически неудачно, сам Гарибальди был арестован. Пройдя пешком от Флоренции до Ниццы, Лопатин посетил жившего там Герцена и вернулся в Россию. Первая же его юношеская авантюра показала: полицейский режим есть железное решето – выглядит устрашающе, но содержит в себе множество дыр, в которые всегда можно проскочить, если быть твёрдым и целеустремлённым, как игла.

Едва Лопатин вернулся на милую родину, как новый начальственный бред по отношению к нему не замедлил осуществиться. В феврале 1868 года он привлечён к следствию и вновь арестован по делу о так называемом «Рублёвом обществе». На сей раз ему пришлось отсидеть в Петропавловской крепости, в Екатерининской куртине, целых восемь месяцев. А за что?

«Рублёвое общество» можно назвать революционным, только если видеть революцию во всякой форме общественной самоорганизации. Впрочем, российские власти именно к этому и склонны – как в те, далёкие, так и в наши времена. Переводя на современный язык, это общество было «некоммерческой общественной организацией», подобной тем, что нынче (полтора столетия прошло!) попали под пресс охранительного закона. Кто входил в его состав? Группа друзей-единомышленников: Герман Лопатин, Феликс Волховский, Николай Даниельсон, Николай Любавин, ещё десятка два московских и питерских интеллигентов. Какие цели они перед собой ставили? Изучать русскую деревню, издавать и распространять книги. Разумеется, у них была своя идеология, и она не совпадала с официально установленными «видами правительства». Что-то от коммунистических утопий, что-то от социального христианства, что-то от позитивизма. Но ничего общественно опасного, заговорщицкого в планах общества не значилось.

Единственная книга, которую успели издать на ежемесячные рублёвые взносы (отсюда название общества), – «Древняя Русь» Ивана Худякова. Вся соль тут не в содержании книги – там нет никакой крамолы, есть лишь популярно изложенная история, – а в личности автора. Иван Худяков был осуждён по каракозовскому делу «как неизобличённый в знании о намерениях Каракозова, но уличённый в знании о существовании и целях тайного общества»¹². За это «знание» он получил бессрочную ссылку в отдалённые места Сибири (там, в Иркутске, он и умрёт через девять лет от чахотки в лазарете для душевнобольных).

Согласитесь, издание книги познавательного содержания не есть преступление, даже если её автор осуждён. Собственно говоря, ни суда, ни приговора участники «Рублёвого общества» так и не дождались. Отсидев по полгода и больше, они были высланы из столиц в административном порядке, то есть исключительно по произволу жандармского начальства. Лопатин был направлен в Ставрополь «под надзор родителей». Можно ли придумать более неправомерное и бессмысленное решение? Если он виноват – накажите, если не виноват – оправдайте, снимите все подозрения. Но ведь охранительная власть не может признать себя неправой. И

---

¹² Покушение Каракозова. Стенографический отчёт по делу Д. Каракозова, И. Худякова, Н. Ишутина. М.: Л., 1930. Т. 2. С. 355.

потому оставляет человеку один способ доказать свою правоту: прямое неповиновение власти, бунт.

Правда, Герман Лопатин в Ставрополе поначалу не собирался бунтовать. Он был хорошо принят в губернском обществе и, похоже, даже увлёкся предоставленной ему работой в должности чиновника для особых поручений при губернаторе. Но не проходит и года – и вот новая напасть, ещё более нелепая, чем предыдущие. Арест по «нечаевскому делу».

«Нечаевское дело» и его главный антигерой Сергей Геннадьевич Нечаев сыграли столь значительную роль в судьбе Германа Лопатина и в истории русской революции, что необходимо напомнить читателю, в чём тут дело.

Мещанин из Иваново-Вознесенска, учитель народных училищ Сергей Нечаев начал свою сатанинскую деятельность той самой весной 1866 года, когда Лопатин и сотни ему подобных подверглись бессмысленным арестам по «каракозовскому делу». Убеждённый и циничный разрушитель, человек, стремящийся властвовать над душами людей и наделённый даром такого властвования, Нечаев оценил ситуацию, сложившуюся в окружающем его молодёжно-интеллигентском обществе. Множество горячих молодых душ – аки стадо, потерявшее пастыря. Озлобленные арестами и прочими безосновательными карами, убедившиеся в тупой бездумности власти, эти молодые люди и девицы с горящими глазами и спутанными мыслями – идеальный материал для манипулирования в нужном ему, Нечаеву, духе. Он проповедует на студенческих сходках. В его проповедях звучит главный мотив: революция – наше всё, революция выше добра и зла. Все средства хороши. Чем хуже, тем лучше. Никакого блага, кроме пользы революции.

Он собирает вокруг себя кружок фанатичных последователей. Он придумывает историю своего ареста и героического побега из Петропавловки. И ему верят, несмотря на очевидные несообразности этой сказки. Он мчится во Францию, в Швейцарию, он обводит вокруг пальца столпов эмиграции Бакунина и Огарёва, превращая сих многоопытных мужей в орудие своих замыслов. В 1869 году возвращается в Россию, сколачивает в Москве тайную организацию «Народная расправа» – настоящую секту ассасинов, объединённую нерассуждающим послушанием и нацеленную на политическое убийство. Но первая проба сил обернулась уголовщиной и крахом. Организованное Нечаевым убийство студента Ивана Иванова, одного из своих же, было раскрыто полицией. Нечаев скрылся за границей, «Народная расправа» развалилась. Одно за другим стали выходить на свет неприглядные и просто отвратительные обстоятельства московского убийства. Авторитет Нечаева под угрозой. И он выдумывает новый ход: запутать в свои сети, связать со своим именем как можно больше разных лиц. Он пишет сотни писем откровенно провокационного содержания и рассылает их тем людям в России, о ком точно знает, что они находятся под надзором полиции. В письмах он называет имена и адреса других поднадзорных, якобы участвующих в возглавляемом им политическом заговоре. Собственно говоря, это были письма, прямо адресованные в Третье отделение. Вы ищите заговор? Вот он, пожалуйста. Вам нужны виновные? Вот список и вот улики, не какие-нибудь косвенные, а прямые, от самого Сергея Нечаева. Конечно, в Третьем отделении не могли не понимать, что это ложь и оговор. Но не отказываться же от такого великолепного случая доказать наличие страшной революционной угрозы! Обозначить ещё раз свою необходимость! Интересы революционной бесовщины смыкаются с интересами репрессивного охранительства. И вновь начинаются аресты.

Лопатин был упомянут Нечаевым как участник заговора в одном из таких писем. И был арестован в третий раз. Теперь уже не только без вины, а прямо вопреки очевидности. Если с Каракозовым Лопатин был просто не знаком, то к Сергею Нечаеву и тогда и позже относился с нескрываемой неприязнью и в его планах никак участвовать не собирался.

Троекратно подтверждённый бессмысленный произвол толкает Лопатина на судьбоносное решение: бежать из-под ареста. Этот Рубикон был перейдён в январе 1870 года.

IV

«...ДОВОЛЬСТВУЕТСЯ ТЕМ, ЧТО ИМЕЕТ»

Побег совершился на удивление легко. Надо полагать, в Ставрополе все (даже жандармские офицеры) сочувствовали сыну милейшего председателя Казённой палаты, ни за что сосланному, ни за что арестованному. Дали спокойно уйти с гауптвахты, отсидеться на чужой квартире, а затем уехать из города. Искали скорее формально, для отчёта перед петербургским начальством.

А Лопатин стремился как раз в Петербург, к друзьям-единомышленникам. Прибыв в столицу, он узнал: по «нечаевскому делу» арестованы многие его знакомые, в том числе Михаил Негрескул, зять Петра Лаврова. Петр Лаврович Лавров, полковник артиллерии в отставке, автор скучноватых наукообразных трактатов по социальной философии, сделался в это время властителем дум «передовой» молодёжи – и тоже не без участия полицейских властей. Арестованный после покушения Каракозова, он за распространение «вредных идей» (то есть за свои теоретические сочинения, не содержащие призывов к насильственному свержению власти) был выслан в Вологодскую губернию. К началу 1870 года проживал под надзором в городке Кадникове, в сорока верстах к северу от Вологды.

И вот Лопатин и его петербургские друзья решают вызволить страдальца из ссылки. Лопатин едет в Кадников, беспрепятственно увозит оттуда Петра Лавровича (для «надзирающих» была выдумана версия о мигрени, от коей якобы их поднадзорный слёг и не может выйти из дому), доставляет его в Петербург, а затем в село Заплюсье под Лугой – дожидаться оформления поддельных документов. В марте 1870 года Лопатин и Лавров беспрепятственно покинули пределы Российской империи и прибыли в Париж. В кругах русских эмигрантов, французских, английских, немецких социалистов они были встречены как герои-триумфаторы. Имя двадцатипятилетнего Лопатина в этой среде обретает известность, он становится членом Генерального совета Интернационала.

Второе европейское «турне» Лопатина было недолгим – чуть более полугода, – но ознаменовалось двумя большими событиями: разоблачением Нечаева и знакомством с Марксом. В присутствии Бакунина и Огарёва Лопатин изобличил Нечаева и в том, что тот никогда не бывал в тюрьме Петропавловской крепости, и в том, что вообще не подвергался аресту, и в провокаторстве, и в убийстве невиновного. Ложь Нечаева была раскрыта, правда победила... Впрочем, ненадолго. Нечаев через два года будет арестован швейцарской полицией, экстрадирован в Россию как уголовный преступник, последние десять лет жизни проведёт в одиночной камере Алексеевского равелина. Но его идеи и принципы восторжествуют в русском революционном движении. Будущее окажется за последователями нечаевских догм: «чем хуже, тем лучше», «все средства хороши для дела революции». Лопатин убедится в своём поражении от давно умершего противника только близ собственной смерти...

А знакомство с Марксом обеспечит имени Лопатина посмертную известность. Он вряд ли мог догадываться об этом, когда летом 1870 года направлялся из Парижа в Лондон с рекомендательным письмом Поля Лафарга Марксу.

Из письма Карла Маркса Фридриху Энгельсу. Лондон, 5 июля¹³ 1870 года:

«...Лафарг известил меня, что один молодой русский, Лопатин, привезёт от него рекомендательное письмо. Лопатин посетил меня в субботу, я пригласил его на воскресенье (он пробыл у нас с часу дня до двенадцати ночи)

---

¹³ Даты писем иностранных авторов и событий, происходивших за пределами Российской империи, приводятся по григорианскому календарю.

... <...> Он ещё очень молод, два года провёл в заключении, а потом восемь месяцев в крепости на Кавказе, откуда бежал. <...> Очень ясная критическая голова, весёлый характер, терпелив и вынослив, как русский крестьянин, который довольствуется тем, что имеет»¹⁴.

Лопатин не просто понравился Марксу (который вообще-то русских не жаловал, а Российскую державу ненавидел страстной политической ненавистью), не просто сделался его корреспондентом. Самое главное: Маркс доверил ему перевод «Капитала» на русский язык, причём после неприятной, скандальной истории с Бакуниным. Последний взялся за перевод, получил аванс, но вскоре бросил работу, да ещё обвинил в недобросовестности посредничавшего между ним и Марксом Николая Любавина (одного из товарищей Лопатина по «Рублёвому обществу», в будущем – известного ученого-химика). Забегая вперёд, скажем, что этот огромный труд Лопатин тоже не закончил: за полгода перевёл треть первого тома. Затем, увлечшись идеей нового подвига, передал работу своему петербургскому другу Николаю Даниельсону, который завершил перевод и осуществил издание «Капитала» в России. И всё же именно Лопатин вошёл в историю как первый переводчик главного произведения Маркса на русский язык.

Но что же это за идея, которая увлекла Лопатина на исходе столь для него значимого 1870 года? А вот какая: освобождение Чернышевского, содержавшегося в Александровском Заводе Нерчинского округа. В декабре Лопатин возвращается в Россию с документами на имя Николая Любавина (того самого). После недолгого пребывания в Петербурге отправляется в Сибирь, в Иркутск. Это дерзко: как вложить голову в пасть льва. После феноменального успеха с Лавровым – почему бы не попробовать?

Но на сей раз удача не сопутствовала Лопатину. О его планах знали многие эмигранты, поэтому узнали и в Третьем отделении. Жандармским офицерам Восточно-Сибирской губернии было направлено указание: усилить бдительность. В Иркутске господин Любавин был задержан как подозрительный, а вскоре установлено его подлинное имя. Чернышевский был переведён из Александровского Завода в ещё более труднодоступный Вилюйск. Неизвестно, чем закончилась бы для нашего героя эта история, если бы не бесконечные российские расстояния, да не тягостная отечественная бюрократия. Пока шла переписка между Иркутском и Петербургом, пока генерал-губернатор Синельников сносился с шефом жандармов Шуваловым и министром внутренних дел Тимашевым, у арестованного Лопатина было много времени для самостоятельного устроения своей судьбы.

Надо сказать, что и тут отношение к нему сложилось особенное, сочувственное – и со стороны иркутского общества, и со стороны арестантов, и со стороны тюремной охраны. Обаяние Лопатина действовало даже на старого служаку генерал-губернатора Синельникова, бывшего главноуправляющего тюрьмами России. Во всяком случае, они беседовали не раз и, по-видимому, достаточно доверительно. Об этом свидетельствует письмо арестанта губернатору, которое начинается словами: «Ввиду того участия, с которым Вашему Высокопревосходительству угодно было отнестись к моему настоящему положению...» – и заканчивается: «Я надеюсь, что моё настоящее письмо есть само по себе такое ясное свидетельство моего уважения к Вам...»¹⁵

Примечательно, что это письмо было написано уже после двух неудачных попыток побега. Первый раз Лопатин бежал из тюрьмы – иркутской гауптвахты, – но был быстро настигнут и едва не убит при задержании. За этим последовало не наказание, не ужесточение режима, а наоборот: освобождение под гласный надзор с правом работы. Несколько месяцев Лопатин жил в Иркутске свободно и даже служил ревизором в Контрольной палате. Вторая попытка

¹⁴ К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967. С. 33–34.

¹⁵ Цит. по: Давыдов Ю. В. Соломенная сторожка (Две связки писем). М., 1986. URL: http://www.gramotey.com/?open_file=8671972870#ТОС_id3689502.

побега – почти удачная и поистине остросюжетная. В одиночку на лодке по Ангаре тысячу вёрст до Енисея, с отсиживанием в медвежьей тайге, по комариным, совершенно безлюдным местам... От города Енисейска – ещё семьсот вёрст трактом до Томска. В Томске беглец был задержан и опознан. В Иркутск возвращён в кандалах. Но и после этого довольно скоро тюремный режим Лопатину был смягчён. А на воле нашлось достаточно желающих помочь в организации нового побега. Летом 1873 года подследственный Лопатин бежал прямо из помещения судебной канцелярии, куда был приведён на допрос. Третья попытка оказалась успешной. Через несколько месяцев он снова в Париже.

V

Апостольский посох или кинжал ассасина

Следующие шесть лет – самый спокойный, мирный период в жизни Германа Лопатина (не считая детства, конечно). Среди эмигрантов, среди «передовой» молодёжи на родине он – человек-легенда. Его друзья и покровители – корифеи мирового социалистического движения Карл Маркс и Пётр Лавров. Лавров с 1873 года стоит во главе издаваемого группой русских эмигрантов журнала «Вперёд!». Лопатин становится его сотрудником. Деньги на издание журнала, а с 1875 года и одноимённой газеты, дают жертвователи; один из главных жертвователей – Иван Сергеевич Тургенев.

Лавров познакомился с Тургеневым тогда, когда Лопатин считал дни заключения после второго иркутского побега. Теперь автор «Исторических писем» устроил знакомство своего избавителя от казньковской ссылки с автором романа «Новь». Когда состоялась первая встреча Лопатина с Тургеневым – точно неизвестно, но не позднее февраля – марта 1874 года: в письмах, датированных 26 февраля и 17 марта, Лавров спрашивает Лопатина, виделся ли тот с Тургеневым в связи с делами журнала «Вперёд!»¹⁶. Возможно, уже тогда, при первых встречах, Лопатин поделился с Тургеневым замыслом создания в Париже русской общественной библиотеки, которая могла бы стать объединяющим центром для многочисленных русских, живущих во Франции. Идея, во всяком случае, принадлежала Лопатину, а осуществлена она была годом позже.

В Париже обитало немалое количество русских студентов и курсисток – на вполне легальных основаниях, с согласия русского правительства. Дабы придать своему начинанию образ политической нейтральности, инициаторы нарекли библиотеку вполне лояльно: «Русская читальня для неимущих студентов». В конце января 1875 года почтальоны разносили по адресам известных русских парижан пригласительные билеты от имени Тургенева на «литературно-музыкальное утро», цель коего – сбор средств для учреждения благотворительной читальни. 15 февраля в квартире Виардо собралось великолепное общество, цвет русско-парижской интеллигенции. Звучало чудесное пение Полины Виардо; Глеб Успенский читал фрагменты своих произведений; сам Тургенев артистично озвучил перед публикой рассказ «Стучит». Затаившись в углу, набрасывал летучие зарисовки с натуры Константин Маковский; Марк Антокольский сверкал огненными глазами; мелькала среди гостей тёмная шевелюра Ильи Репина. Собрание почтил своим присутствием посол Российской империи, ветеран Крымской войны, одноглазый князь Николай Орлов. Лопатина среди гостей не было: не мог беглый ссыльный оказаться в одном обществе с послом государя императора.

Средства – две тысячи франков – были собраны; помещение для библиотеки подыскано (разумеется, в студенческом Латинском квартале); книжное собрание составлял сам Тургенев. Занимался ли Лопатин в дальнейшем делами общественной читальни? Свидетельств этому найти не удаётся. Конечно, бывал там. Но его влекли другие начинания.

Если мысль об основании библиотеки Тургеневу подсказал Лопатин, то проект составления сборника стихотворений русских политических вольнодумцев, быть может, явился ответной подсказкой Тургенева Лопатину. Этот сборник вышел в 1877 году в Женеве. Полное его название – «Из-за решётки. Сборник стихотворений русских заключённых по политическим причинам в период 1873–1877 гг., осуждённых и ожидающих “суда”». Представлены в нём были стихотворения Феликса Волховского, Николая Морозова, Митрофана Муравского, Сергея Синегуба и других известных и неизвестных «врагов самодержавия», общим числом –

---

¹⁶ См.: Лавров: Годы эмиграции / Сост. и примеч. Б. Сапгира. Т. 1. Лавров и Лопатин. Dordrecht-Holland; Boston, 1974. С. 110, Т. 1. Лавров и Лопатин. Dordrecht-Holland; Boston, 1974. С. 110, 114.

четырнадцать. О художественных достоинствах этой поэзии мы распространяться не будем – они не особенно высоки. Впрочем, художественность не интересовала ни составителя, ни читателей сборника. Для них были важны судьбы авторов, а в этих судьбах – жертвенность.

В своём предисловии к сборнику Лопатин писал: «Им полагается другой крест – Христов. И они несут его усердно и честно, ибо знают, что этот крест был одним из могущественнейших орудий завоевания Христом половины мира». И далее: «В великие исторические моменты... поэт бросает лиру и хватается за меч, за кинжал, за перо памфлетиста, за апостольский посох и грядёт на служение идеалу, не только словом, но и делом. <...> Поэтому, если бы в русской революционной среде явился поэт даже с такими творческими силами, как Гёте или Шекспир, то и тогда, не переставая быть тем, что он есть, этот поэт предпочёл бы толковать с крестьянами о разных прозаических материях агитационного характера, или не менее прозаично страдать и умирать правды ради, чем волновать сердца “культурного” общества и гуманизировать их подцензурной поэзией»¹⁷.

В этом предисловии, которое можно рассматривать как кредо автора (ему, заметим, идёт тридцать третий год), удивляет сочетание классических формул революционного народничества с образами церковными. Крест Христов, апостольский посох... И в этих же руках – меч и кинжал. Поневоле задумаешься: был ли Герман Лопатин на самом деле столь последовательным атеистом, каким старался себя представить? Всё-таки в нём жила некая своеобразная религиозность – не церковная, конечно, не православная, не апостольская, но связанная с именем Христовым...

Общественная деятельность шла своим чередом, но в эти парижские годы в жизни Лопатина впервые начали проступать контуры устойчивого семейного бытия. С Зинаидой Степановной Апсеитовой (урождённой Корали) он мимолётно был знаком по петербургскому кругу «передовой» молодёжи – друзей Даниельсона, Любавина, Негрескула. Зинаида была именно передовой женщиной – образованной, самостоятельной, при этом обладала эффектной внешностью. В брак с поручиком Апсеитовым она вступила лишь для обретения независимости, то есть фиктивно, и жила отдельно от мужа. Вновь повстречался с ней Лопатин после побега из Сибири, в Петербурге, а затем в Париже, в окружении Лаврова. К этому времени Зинаида Степановна уже овдовела. Они сошлись – мужественный герой и красавица. На четвёртом году совместного жительства, в феврале 1877 года, у Германа и Зинаиды родился сын. Дабы узаконить его рождение, пришлось оформить брак. Лопатин проживал тогда во Франции по британскому паспорту под фамилией Барт. Сын месье и мадам Барт был наречён на нерусский манер: Бруно. Уже тогда можно было предположить, что Бруно Германович Барт, когда вырастет, станет участником освободительного движения в России. Трудно было предположить другое: революция в России победит и вот как раз по воле этой революционной власти сын Германа Лопатина будет убит, расстрелян в 1938 году...

Поиск воли трудно совместить с благополучием. Семейной устойчивости в жизни четы Барт не получилось. Для налаживания благоустроенного буржуазного быта не было денег, а самое главное – желаний. В эмигрантской среде они чувствовали себя всё более неуютно. Прежняя слава Лопатина начинала тускнеть, журнал «Вперёд!» угасал из-за отсутствия средств, среди социалистов царили раздоры. И Лопатин принимает решение – ехать в Россию, с семьёй.

¹⁷ Из-за решетки. Женева, 1877. С. VII, XXVIII.

VI

Отсроченный приговор

Это, конечно, было безумное решение. 1879 год. Россия взбудоражена политическими покушениями, стачками, недавней русско-турецкой войной. В Петербурге уже прогремел выстрел Веры Засулич; кинжалом Кравчинского поражен шеф жандармов Мезенцев; готовятся новые покушения. Террористическое крыло «Земли и воли» уже собирается на съезд в Липецке, где будет вынесен смертный приговор Александру II и прозвучит грозное имя: «Народная воля». Жандармы сбиваются с ног: теперь для них хватает реальной, невыдуманной работы.

Через несколько дней по приезду в Петербург Лопатин был арестован. После очередной полугодовой тюремной отсидки – очередная ссылка, на сей раз в Ташкент, на сей раз с семейством. Через год по ходатайству Зинаиды Апсеитовой (в российских документах она именовалась сожительницей Лопатина) ссылный был переведен в Вологду.

Вологодское сидение было для него нетрудным, неопасным, но куда более мучительным, чем все предыдущие. Это было мучение бездействия. В Петербурге, всего в шестистах верстах от Вологды, происходили великие события. 1 марта 1881 года народовольцы осуществили то, что пытался сделать Каракозов и ради чего Нечаев погубил множество жизней, в том числе и свою собственную. Александр II был смертельно ранен бомбой, брошенной народовольцем Гриневицким. Революции не произошло, но отзвук петербургского взрыва был слышен по всей России, по всей Европе. Через месяц шесть первоапрельцев были осуждены и пять из них казнены. Самый старший – Желябов – был на шесть лет моложе Лопатина. Лопатин не мог не чувствовать: его время уходит. В какой мере он сочувствовал замыслам народовольцев – сказать трудно: всё-таки они шли по пути, проложенному Нечаевым, они сотворили заговор и убийство. Тем не менее именно они нанесли самый сильный удар политическому режиму, с которым Лопатин уже привык состоять в непримиримой вражде. Может быть, впервые в жизни он почувствовал непреодолимый внутренний разлад. К оному добавился и разлад семейный. О причинах этого разлада и он, и Зинаида хранили молчание все последующие годы. Брак распался. Зинаида с сыном уехали в Париж, Герман остался в Вологде.

Весной 1883 года он решился на очередной побег. И вновь всё прошло удачно. Вновь он в Париже. Но ситуация вокруг – совсем не та, что десять лет назад. Среди эмиграции уже не просто разброд и шатания, но и измена, и провокация. Непонятно, кому верить. Из России приходят вести о разгроме «Народной воли», о бесчисленных арестах, за которыми угадывается тень некоего много знающего предателя. На этом фоне уходят из жизни два человека, исключительно значимых для Лопатина: в марте Маркс, в августе Тургенев. Уход людей – разрыв связей; далее – одиночество, бессилие, старость... Надо что-то делать. Совершить новый рывок.

Не исключено, что именно встреча со смертельно больным Тургеневым – та встреча, с которой мы начали наш очерк, – подтолкнула Лопатина к решению, предзнаменовавшему финал его первой, громкой, боевой биографии (потом начнётся биография вторая – глухонемая). Осенью 1883 года он вступает в тесный контакт с народовольцами-эмигрантами – Львом Тихомировым и Марией Оловенниковой (Ошаниной). И затем едет в Россию.

Зачем?

Последний нелегальный приезд Лопатина на родину окружен туманом мемуарных легенд, достоверно установленных данных о нём мало. Несомненны два факта: приезд этот был связан с судьбой «Народной воли» и закончился арестом Лопатина. Обстоятельства на сей раз складывались не в пользу нашего героя. Прежде всего – люди, с которыми он взаимодействовал, оказались не теми, на кого можно было безоговорочно положиться. Лев Тихомиров: член

Исполнительного комитета «Народной воли», чудесно спасшийся от ареста, некогда фанатичный сторонник цареубийства, в будущем – перебежчик в лагерь самодержавия. Василий Караулов: на следствии он будет, спасая свою жизнь, топить товарищей по подполью откровенными показаниями. Пётр Якубович: экзальтированный молодой графоман, автор «затерянных стихотворений Лермонтова» – литературной подделки, наполненной натужным революционным пафосом.

И ещё одно мрачное обстоятельство. Появление Лопатина в Петербурге (под именем британского подданного Норриса, коммерсанта) совпало с убийством жандармского подполковника Судейкина и так называемой «дегаевской историей». История эта – второе рождение нечаевщины, только в ещё более кровавом и циничном варианте. Сергей Дегаев – народовец, арестованный в 1882 году, – добровольно сделался секретным агентом Судейкина. После организованного полицией «побега» он внедрился в руководство «Народной воли», а затем, устранив конкурентов, возглавил революционное подполье. Организуя новые покушения в тесном взаимодействии с Судейкиным (у коего были свои хитроумные и амбициозные планы), он одновременно выдавал полиции десятки своих товарищей. Клубок провокаций и предательств был разрушен 16 декабря 1883 года: при участии Дегаева Судейкин был убит на конспиративной квартире. Многие обстоятельства убийства так и остались невыясненными, в частности непонятна роль заграничного ядра «Народной воли», от имени которого должен был действовать в России Лопатин.

Широко распространена версия, в соответствии с которой Дегаев покаялся в своей провокаторской деятельности перед Тихомировым и от него получил задание искупить вину убийством жандарма. Лопатин же должен был проконтролировать исполнение сего плана. Эта версия опирается главным образом на мемуары ренегата Тихомирова и предателя Караулова и содержит в себе много несообразностей. Одна из них заключается в несоответствии характера Лопатина той роли, которая ему приписывается. Трудно представить Германа Александровича действующим лицом сюжета, в финале которого труп жандармского подполковника с разможжённым ломом черепом валяется в ватерклозете. Во всяком случае, на суде в 1887 году он отвергнет все обвинения, связанные с убийством Судейкина, и будет отрицать участие в террористической деятельности «Народной воли».

Дегаевская история свидетельствовала о глубокой деморализации революционных кругов. В таких условиях попытки реанимировать «Народную волю» были обречены на неудачу. Вообще странно, как Лопатин с его бесспорной нравственной чуткостью мог ввязаться в это безнадёжное и нечистое дело. В террор он никогда не верил. Конспиративной деятельностью не занимался. Он вообще привык ходить прямыми путями и смотреть опасности в лицо. А тут в любой момент нужно было ожидать, что враг подкрадётся сзади...

Так оно и случилось. 6 октября 1884 года Лопатин был арестован на Невском проспекте. Агенты полиции напали на него сзади, крепко схватив за руки и за шею. В карманах его пальто лежали листки папиросной бумаги, на коих мелким почерком были записаны десятки имён действительных или потенциальных участников народовольческого подполья. Он думал, что успеет уничтожить их в случае опасности. Он так никогда и не узнает, что причиной его ареста послужили предательские показания соратника – Василия Караулова.

Арест Лопатина и обнаружение при нём списков народovolьцев означал полный и бесповоротный разгром революционного подполья. Для самого Германа Александровича он стал конечной точкой его первой биографии. Вдохнуть воздух свободы ему будет дано только через двадцать один год.

VII

Узник воли

Вторая биография Лопатина представляет собой эпилог первой. Правда, эпилог долгий.

Сначала два с половиной года в доме предварительного заключения. Затем – закрытый судебный процесс. Никакой публики, никакой гласности. Даже стенограмма процесса не сохранилась. Только стены Петербургского военно-окружного суда, каменные лица судей, да скамья подсудимых, на которой – двадцать один человек. Из знаменитостей – один Герман Лопатин. Поблизости от него – Конашевич и Стародворский, участники убийства Судейкина, ещё Якубович. Остальные – люди, Лопатину мало знакомые. Обвинительное заключение было оглашено 26 мая, приговор вынесен 5 июня 1887 года. Лопатин признан виновным в попытках организовать деятельность преступного сообщества террористов и приговорён к смертной казни. Государь император Александр Александрович заменил смерть бессрочной каторгой. Отбывать её было высочайше повелено в тюрьме Шлиссельбургской крепости. Там, в одиночной камере, – восемнадцать лет.

Сохранилось несколько стихотворений, написанных Лопатиным в крепости. Вот одно из них, датированное 1 мая 1900 года (кто бы мог тогда подумать, что Первомай станет главным государственным праздником в царстве победившей революции):

ВЕСЕННИЕ МУКИ

За стеной высокой буря завывает.
На просторе вольном озеро бушует.
Громко плещет в камни буйною волною,
В небе мчатся тучки, манят вдаль с собою...

Ах, порхнуть бы через стену лёгкой пташкой;
Ах, нырнуть бы через реку бойкой рыбкой;
Ах, мелькнуть бы меж кустами резвым зайцем;
Ах, исчезнуть бы из виду сизой дымкой;

Распрощаться бы навеки с тесной клеткой,
С ледяною атмосферой безучастья;
И припасть бы вновь с сыновней лаской
К тёплой груди матери-природы!

Я к земле сырой приник бы жарким ликом,
Я б лежал ничком с простёртыми руками.
Я б лобзал траву горячими устами,
Надрывался бы от страстных я рыданий!¹⁸

События 1905 года в последний раз круто изменили судьбу Лопатина. За манифестом 17 октября последовало помилование для государственных преступников. Когда Лопатин увидел свободу, ему шёл шестьдесят первый год. На фотографии, сделанной сразу после освобождения, – человек измождённый, но бодрый, даже моложавый, упрямо глядящий вперёд. На фото-

---

¹⁸ Текст приводится по изданию: Поэты-демократы 1870–1880-х годов. Л., 1968.

графиях последующих лет – широкогрудый старик, с окладистой белой бородой, в очках. За очками угадывается всё тот же прямой, открытый взгляд.

Он вышел на волю, он был встречен единомышленниками и уцелевшими друзьями как воскресший из мёртвых. Но встреча – миг, а жизнь, даже после смертного приговора, – дело долгое. Каково это: быть ввергнутым в многоголосие жизни после стольких лет однообразного, каждодневно повторяющегося строя тюремных звуков! Несгибаемый Герман включается в эту симфонию. Переводит письма Маркса и Энгельса, публикует их в журнале «Минувшие годы», под обложкой которого пытались объединиться народники и марксисты, либералы и богоискатели. Участвует в попытках создания новой общественно-политической газеты – но безуспешно. Время летит слишком быстро для человека, прошедшего 21 год в одиночке. Двенадцать месяцев прошло после его выхода на свободу, а революция угасла, читатель не хочет политики, вожди партийных воинств перегрызлились... На душу Лопатина наползает усталость. Как человек, проснувшийся после долголетнего летаргического сна, по видимости ещё молодой, он начинает стремительно стареть, навёрстывая проведённые вне возраста годы.

Из письма Лопатина сестре 2 мая 1909 года:

«Телом я, конечно, здоров и силен (головокружение, печень и т. п. – чистые пустяки). Но моя неопишуемая неработоспособность. Мой неодолимый страх ко всякому почину, даже в пустяках, заставляющий меня нуждаться в чужой опеке, моё вечное недовольство собою, вечное мучительное самоугрызение, не ведущее к исправлению, – всё это болезнь, и очень мучительная»¹⁹.

В России становилось тяжело и снова веяло шлиссельбургским ветром. В 1908 году бывший пожизненный арестант получил (не без полицейских мытарств) разрешение на выезд за границу. Ещё пять лет Европы. Живя за границей, Лопатин участвовал в деятельности партии эсеров, но как-то странно. К нему относились с подчёркнутым уважением, но не слушали. Он не мог не видеть, что новые поколения революционеров руководствуются в своей деятельности не его принципами, а заветами Нечаева и наследием Дегаева. Новое издание нечаевщины-дегаевщины – дело Азефа, потрясшее партию эсеров в 1908–1909 годах, – показало со всей ясностью: революция идёт не по тому пути, о котором мечтали Лавров, Даниельсон, Любавин...

Как будто в насмешку над революционерами, Бог сотворил Евно Фишелевича Азефа (варианты: Азев, Азиев) таким же по внешности мерзким, какими были и его дела. Вот вам знак, смотрите: человек, на котором отпечатаны зло, порок и предательство. Но не увидели, не захотели увидеть. Секретный (и высокооплачиваемый) агент Департамента полиции пять лет возглавлял Боевую организацию эсеров, деяния которой мы узрим в Круге втором. Азеф организовывал убийства царских сановников, он же выдавал убийц-исполнителей начальственным конкурентам убитых. И когда змеиный клубок провокаций и измен был вытащен на свет – эсеровские вожди не поверили: явной правде не хотели верить. Партийный суд был созван, чтобы судить не Азефа, а его разоблачителя Владимира Бурцева.

В состав суда избрали Лопатина.

Из писем Лопатина сестре:

«Ради беспристрастия нужно было взять людей, не принадлежащих к партии, но пользующихся авторитетностью во всех партиях по части ума, справедливости и пр. Выбрали меня, Кр[опоткина] и Ф[игнер]. Мы судили Бурцева и, конечно, оправдали, признав А[зефа] доказанным провокатором».

---

¹⁹ Письма Г. А. Лопатина сестре здесь и далее цит. по: *Дикущина Н. И.* Один из талантливейших русских людей // Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка / под ред. И. С. Зильберштейна и Н. И. Дикущиной. М., 1988. URL: http://az.lib.ru/l/lopatin_g_a/text_0060.shtml.

«Он (Азеф. – А. И.-Г.) всего больше похож (в фуражке) на одного из тех франц[узских] “апашей”, который – встретив малолетнюю девочку в глухом месте – изнасилуе[т] её, а затем задушит или зарежет; или наоборот: сначала умертвит, а затем изнасилуе[т] труп».

После азефовской истории Лопатин не мог верить эсерам. А кому он, старик, мог верить? Одиночество выходило из углов – более безнадежное, чем в одиночной камере Петропавловки или Шлиссельбурга.

Наступало время подведения итогов. Каковы они, итоги?

Из ответов Германа Лопатина на анкету, присланную С. А. Венгеровым (между 1913 и 1916 годами):

«В каких периодических изданиях, по преимуществу, участвовал и по какому отделу

Переводил книги. Немногие мелочи были напечатаны во “Вперёд”, в “Былом”, в “Минувших годах”, в “Современнике” (Амфитеатрова), в “Речи”, но все, не стоящие внимания.

Перечень отдельно изданных книг <...>

1) Спенсер. “Психология”, 4 т. (два издания). – 2) Спенсер. “Социология”, 2 т. – 3) Спенсер. “Этика”, 1 т. – 4) Тэн. “Les origines” etc. 1-й том (два издания). – 5) Тиндаль. “Вещества... в воздухе”. – 6) Роме-не. “Над гробом Дарвина”. – 7) Жоли. “Психология великих людей”. – 8) Грант Аллен. “Виньетки с натуры”. – 9) Карпентер. “Столоверчение, спиритизм” и пр. – 10) Клиффорд. “Сборник трудов по физике”, 2 т. (за смертью Билибина остался ненапечатанным, рукопись у меня). – 11) Маркс. “Капитал”, т. 1-й. Мною переведена только 1/3 тома. Остальное dokonчено после моего ареста Николаем-оном²⁰.

В ранней молодости переводил часть “Зоологических писем” Иегера и редактировал “Химию кухни” Отто Уле, но вышли ли эти вещи в свет, не помню. <...>

Ещё 12) Письма Маркса и Энгельса к Даниельсону (Николай-онь)²¹.

Здоровье потихоньку стало сдавать: годы, проведённые в тюремных камерах, не могли не сказаться. Всё чаще накатывали мучительные – до обморока – головокружения. Он стал терять зрение, в последние годы почти ослеп.

В 1914 году, перед самой войной, Лопатин приехал в Россию. Разочаровавшийся в революционерах и ненужный им. Вернулся под тяжкие крылья больного российского орла.

Великие потрясения 1917 года поначалу вдохновили его, но сил участвовать в них уже не было. Затем началось что-то страшное: разгул уголовщины, развал армии, убийства офицеров, разгром усадеб, разруха, голод, анархия... Над всем этим разрушительным вихрем всё заметнее вырисовывались контуры новой кровавой тирании – большевистской. Серо-стальные глаза Сергея Нечаева, его беспощадный взгляд узнавал Лопатин в лице большевистской власти. Красный террор, начавшийся осенью 1918 года, был воплощением самых лютых, сладострастно-ненавистнических мечтаний Нечаева. Герману Лопатину, заклятому врагу и разоблачителю нечаевщины, оставалось одно: умереть. 26 декабря 1918 года он скончался в больнице Женского медицинского института (бывшей Петропавловской).

Из газет:

---

²⁰ Николай-он – один из псевдонимов Николая Францевича Даниельсона.

²¹ Г. А. Лопатин. Ответы на анкету // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома, 1975. М., 1977. Публикация Л. Н. Ивановой. URL: http://az.lib.ru/l/lopatin_g_a/text_0040.shtml.

«Шлиссельбургский комитет, принявший на себя, при участии представителей разных организаций, устройство похорон скончавшегося 26-го сего декабря Германа Александровича Лопатина извещает, что вынос тела состоится во вторник, 31-го декабря, в 10 1/2 час. утра, из “Дома литераторов” (Бассейная, 11). В понедельник, в 7 час. вечера, у гроба почившего, в “Доме литераторов”, будет совершена гражданская панихида»²².

Из «Заметок читателя» Максима Горького:

«Хоронили Германа Лопатина, одного из талантливейших русских людей. В стране культурно дисциплинированной такой даровитый человек сделал бы карьеру учёного, художника, путешественника, у нас он двадцать лет, лучшие годы жизни, просидел в Шлиссельбургской тюрьме... За гробом его по грязному снегу угрюмо шагали человек пятьдесят революционеров, обиженных революцией...»²³

Не просто обиженные революцией: многие из них этой революцией убиты. Кто-то раньше, кто-то позже. И ушли навсегда в пустоту небытия – ведь в вечную жизнь не хотели верить, не признавали её.

Ушёл ли Герман Лопатин, обратился ли в бессмысленное ничто? Не ведаем. Он всё-таки не сделался служителем зла, хотя ходил по краю.

Узник воли...

---

²² Северная Коммуна. 1918. № 192. 29 декабря.

²³ Горький М. Заметки читателя // Собрание сочинений: в 30 т. Т. 24. Статьи, речи, приветствия. 1907–1928. М., 1953. С. 275.

Перед кругом вторым Стихотворный пролог

Из следственных дел: справка

5 февраля 1880 года в Зимнем дворце прогремел мощный взрыв; погибли одиннадцать нижних чинов дворцового караула и ранено более пятидесяти человек. Взрыв произошёл под Малой столовой и был приурочен по времени к обеду, на котором должны были присутствовать Александр II и его шурин принц Александр Гессенский. Принц опоздал, начало обеда было отсрочено, и благодаря этому оба Александра не пострадали. В ходе расследования обнаружилось, что из дворца пропал некто Батышков, столяр, три месяца назад принятый на работу в дворцовую мебельную мастерскую. Было также установлено, что в подготовке взрыва участвовали члены противоправительственной организации, известной под названием «Народная воля». Только несколько лет спустя, после гибели Александра II и разгрома «Народной воли», выяснилось, что под именем Батышкова в Зимнем дворце работал народоволец Степан Халтурин. Он пронёс в императорскую резиденцию динамит (по разным данным, от тридцати до шестидесяти килограммов), смонтировал взрывное устройство, в нужный момент поджёг запальный шнур, сам же беспрепятственно скрылся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.